

УДК 181.161.1

Вербономинанты с компонентом память в современном русском языке

И.Г. ГОМОНОВА

Анализируются аналитические конструкции глагольно-именного типа, служащие в современном русском языке средством вербализации процессов памяти. На материале данных Национального корпуса русского языка подтверждается продуктивность моделей, по которым образуются вербономинанты с компонентом память.

Ключевые слова: вербономинант, описательный глагольно-именной оборот, память.

The analytical constructions of the verbal-nominal type which are used as a means of verbalizing memory processes in Modern Russian are analyzed. According to the Russian National Corpus the productivity of the models, on which verbal nominants with the memory component are formed, is confirmed.

Keywords: verbal nominants, descriptive verbal-nominal phrase, memory.

Значение психических процессов в жизнедеятельности общества трудно переоценить, поскольку психика обеспечивает функционирование человека как существа особого порядка, наделенного специфическими свойствами высшей нервной деятельности. Психические процессы «обеспечивают адекватную работу сознания, отражают окружающий мир, преломляют его и хранят в опосредованном виде в ментальных структурах различных уровней» [1, с. 42].

Вследствие значимости высших психических функций (мышления, речи, памяти и восприятия) они выступают в качестве объекта исследования разных научных дисциплин: психологии, логики, физиологии, философии и др. Современная лингвистическая наука активно обращается к изучению средств вербализации психических процессов, к исследованию семантики и структуры соответствующих лексем. Лингвисты стремятся осмыслить когнитивно-психологические свойства знаков, выражающих психические процессы, привести эти знаки в систему, раскрыть их функции.

Предмет данной статьи составляют средства вербализации процессов памяти в современном русском языке, а именно вербономинанты (описательные глагольно-именные обороты – ОГИО) с компонентом память. Актуальность такого исследования объясняется необходимостью выявления, классификации и изучения всего комплекса средств выражения психических процессов в русском языке.

Основными средствами обозначения памяти в русском языке являются процессуальные слова – глаголы. Кроме того, с этой целью широко используются аналитические единицы глагольно-именного типа. Как пишет В.Н. Телия, «...глагол (если он к тому же имеется) не справляется морфологически с естественными потребностями обозначить весь существенный для человека его внутренний мир – мир психики, интеллектуальной деятельности, мир этических и моральных категорий – все то, что принадлежит мыслящему и переживающему мир субъекту, а также то, что образует круг его социальных прав и обязанностей» [2, с. 283]. Структурная и семантическая усложненность вербономинантов позволяет успешно выполнить данную задачу и объясняет повышенный интерес лингвистов к таким оборотам. В исследованиях, проведенных на материале русского и других языков, анализируются парадигматические и синтагматические свойства вербономинантов, структурно-семантические особенности их компонентов, экспрессивные возможности и т. д.

Активность использования вербономинантов для обозначения процессов памяти (материал для данного исследования включает в себя более 500 оборотов, которые анализируются в контекстах (источник – Национальный корпус русского языка [3]); в свою очередь количество вхождений некоторых оборотов в тексты НКРЯ доходит до 200) подтверждает характерную для русского языка тенденцию к аналитизму при вербализации сложных процессов.

Для обозначения процессов памяти аналитическим способом используются вербономинанты предикативного (*память вернулась, память выдала, память заработала, память со- общила, память ухватилась, память выталкивает, память знает, память приводит, па- мять дотронется, память отсеет*) и непредикативного (*войти в память, вспыхнуть в па- мяти, вымывать из памяти, загромождать память, запасть в память, засесть в памяти, истребить из памяти, копить в памяти, напрягать память*) типа. В оборотах первого типа семантическая нечленимость сопровождается формальной синтаксической членимостью (именной компонент занимает позицию грамматического подлежащего, глагольный компо- нент – позицию грамматического сказуемого). Обороты второго типа характеризуются се- мантической и синтаксической нечленимостью. Сравн.: *Эту картину память принесла мне из сравнительно недавнего прошлого, а ещё раньше, в то время, когда улица называлась Мясницкой, мне суждено было судьбой жить в её районе...* (В.П. Катаев. Алмазный мой ве- нец (1975–1977)); *Потом начнут проступать и лица. Память твоя отберет по-хозяйски пять-шесть, не пытайся понять этот выбор* (Л. Зорин. Медный закат (2007) // «Знамя», 2008) – *То приходила на память обида, что одиннадцать месяцев ему всё откладывают и откладывают свидание с женой – и уж теперь дадут ли до отъезда?* (А. Софьеницын. В круге первом, т. 1 (1968) // «Новый Мир», 1990); *Невозможно всего рассказать, что случи- лось со мной в лесу лет за пятнадцать этой охоты, – один случай вызывает в памяти ты- сячу других и тонет в них безвозвратно* (М.М. Пришвин. Зайцы-профессора (1921–1925)).

Исследователи говорят о существовании около ста моделей, по которым создаются ОГИО [4, с. 179]. Среди оборотов непредикативного типа с компонентом память наиболее активно представлены конструкции, построенные по следующим моделям: 1) V + в + П. п. (*брезжить в памяти, бродить в памяти, ворошить в памяти, всплывать в памяти, вспыхи- вать в памяти, выискивать в памяти, забрезжить в памяти, зазвучать в памяти, замая- чить в памяти, заперать в памяти, застрять в памяти, зачеркнуть в памяти, копить в па- мяти, откопать в памяти, отпечататься в памяти, скользить в памяти, таять в памяти, угаснуть в памяти и др.*); 2) V + из + Р. п. (*выбивать из памяти, выбросить из памяти, вы- валиться из памяти, выветриться из памяти, выдернуть из памяти, вымести из памяти, вынырнуть из памяти, выпасть из памяти, вытеснить из памяти, выудить из памяти, вы- швырнуть из памяти, достать из памяти, извлекать из памяти, исключить из памяти, испа- риться из памяти, улетучиться из памяти и др.*); 3) V + в + В. п. (*вгравироваться в память, вдавить в память, влезть в память, вонзиться в память, впечататься в память, врезаться в память, въестся в память, закладывать в память, залететь в память, заносить в память, за- пихивать в память, перекочевать в память и др.*); 4) V + В. п. (*взбалтывать память, воро- шить память, встревожить память, грызть память, надирать память, напрягать па- мять, притупить память, пробудить память, терять память, утопить память и др.*).

Отличительной особенностью большинства вербономинантов является то, что они вы- ступают в качестве образного средства выражения процессов, связанных с памятью. Образ- ность создается прежде всего за счет метафоризации глагольного компонента вербономинанта, а также во многих случаях поддерживается атрибутивными распространителями именного компонента. Сам именной компонент чаще нейтрален, но может представлять собой метафо- рическое сочетание типа *кладовые памяти, закоулки памяти, хаос памяти, волна памяти* и др.

Так, образный характер ОГИО предикативного типа создается за счет того, что в дан- ных оборотах память олицетворяется, т. е. ей приписываются свойства живого существа. В анализируемых вербономинантах представлено олицетворение двух основных типов: 1) ан- тропоморфное, когда процессу памяти придаются какие-либо человеческие свойства, каче- ства: *Я хочу воскресить её поцелуи. Память лжёт: нет радости, нет восторга* (Б.В. Савин- ков (В. Ропшин). Конь бледный (1909)); *К этой поре успокоилась и моя память* (В. Астафьев. Обертон (1995–1996)); 2) зооморфное, когда процессу памяти придаются свой- ства, качества животного: *В представлении современной науки память гнездится как бы в ячейках, создаваемых сложнейшими переплетами отростков нервным клеткам мозга в тече- ние индивидуальной жизни, жизни одного человека* (И.А. Ефремов. Эллинский секрет

(1942–1943)); *А память безмолвно и быстро ткет свою паутину* (А.Н. Вербицкая. Ключи счастья (1909)). В частности, антропоморфный характер имеют переосмысленные глаголы а) физического и психического воздействия: *Будто играл ее оркестр, но казалось, что он не такой, как обыкновенный, большой, но неизмеримо большего масштаба, и память мучает меня до сих пор в состоянии композиции, все больше из первой и второй части* (А.И. Цветаева. Сказ о звонаре Московском (1976)); б) говорения / звучания: *Я испытывал беспокойство, и память моя нашептала мне подходящее для покаяния место* (В. Астафьев. Обертон (1995–1996)); в) движения: *И вот, память моя летит к тем бумагам, которые были у меня отобраны* (С.М. Волконский. О декабристах (1921)) и др.

В составе отдельных ОГИО предикативного типа именной компонент представлен метафорическим сочетанием с субстантивом память в роли зависимого слова: *О чем бы я ни вспоминал, нити памяти приводят меня к войне...* (Г. Садулаев. Одна ласточка еще не делает весны // «Знамя», 2005); *И вдруг волна памяти оттянула ее в военное детство: лето, они гостят у бабушки, нобелевский поселок на берегу Каспия, коттеджи-«резерумы», стоящие на сваях у самого моря...* (А. Иличевский. Перс (2009)).

Именной компонент ОГИО непредикативного типа также может быть представлен метафорическим сочетанием слов. Такая метафора, как правило, основана на локативной характеристике памяти как вместилища, места для хранения: *«Бездейтельное отчаянье – забвение и нарушение долга», – вдруг вынырнула из кладовых памяти кем-то и когда-то выношенная мысль* (Е. Маркова. Каприз фаворита (1990–2000)); *Важные сведения нельзя выпускать из хранилища памяти без особой нужды* (В. Дудинцев. Белые одежды / Вторая часть (1987)).

Анализируемые вербономинанты служат для выражения следующих разновидностей процесса памяти:

– ‘помнить’: *Память удерживала только прическу для Надежда Константиновна, с пучком на затылке* (О. Некрасова. Платит последний (2000)); *Тот разговор с хирургом, зашивавшим ему раны на руке, крепко сидел в памяти, и что же, выходит, закон, о котором говорил врач, принят?* (А. Курчаткин. Счастье Вениамина Л. // «Знамя», 2000);

– ‘вспомнить / вспоминать’: *Память услужливо подбросила мне старые приятные воспоминания* (Н. Трофимова. Третье желание // «Звезда», 2003); *Освежив в памяти продуманную схему и порядок постановки вопросов, следовательно как бы ожил, стал бодрее* (В. Дудинцев. Белые одежды / Третья часть (1987));

– ‘запоминать’: *Это единственное чудо, которое память сберегла* (Б.Л. Пастернак. Охранная грамота (1930)); *Аля запихивала все эти лица в свою память с таким усилием, что ей казалось, будто мозги у нее скрипят* (А. Берсенева. Полет над разлукой (2003–2005));

– ‘забывать’: *Будто и ничего не было. Все постыдное память услужливо стирает!* (М. Шишкин. Венерин волос (2004) // «Знамя», 2005); *Всё постороннее, всё прошлое исчезло из памяти, а если и появлялось в ней временами, то в виде бесформенных обрывков* (Э.Г. Казакевич. Звезда (1946)).

Кроме того, обороты предикативного типа включают в себя единицы, в значении которых актуализируется характеристика результата процессов, связанных с памятью: *Меня рассмешила память о солнечных днях моей земной жизни* (Н. Садур. Занебесный мальчик (1992)); *Этого ему вспоминать не хотелось, но память снова и снова с неодолимым упорством терзала его сознание...* (М. Милованов. Кафе «Зоопарк» (2000)). Главная цель использования таких оборотов – отразить состояние субъекта, вызванное процессами памяти.

Обороты непредикативного типа, кроме вышеназванных, включают в себя единицы, при использовании которых память характеризуется как объект внешнего воздействия и выражаются значения ‘вернуть память (заставить вспомнить)’ и ‘лишить памяти (заставить забыть)’: *Некоторое время и прохлада утреннего воздуха возвратили ему полную память, и печальная истина явилась перед ним во всем своем ужасе* (П.И. Шаликов. Темная роща, или памятник нежности (1819)); *Были, правда, некоторые подробности, которые я с трудом выдавил из Ваниной памяти* (А.И. Куприн. Листригоны (1911)).

В целом вербономинанты, обозначающие процессы памяти, в отличие от синонимичных им глаголов, выражая данное значение, как правило, сочетают его с определенной индивидуально-авторской оценкой.

Своеобразие вербономинантов как особых единиц номинации проявляется в их сочетаемости. Единицы, с помощью которых вербономинанты реализуют свою валентность, позволяют обозначить память как сложный процесс, который характеризуется субъектно-объектными отношениями, а также дополнительными атрибутивными и обстоятельственными признаками.

Разнообразием способов выражения характеризуется, например, субъект процессов памяти, обозначенных вербономинантами. В случае с ОГИО предикативного типа он выражается косвенным способом и может относиться как к именному, так и к глагольному компоненту оборота: *Пусть будет хоть эта тетрадка, и, когда память моя вовсе сносится, я смогу заглянуть в неё, вспомнить* (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000); *И память ворвалась в него, обернувшись живой тоской по дому* (Л.А. Кассиль. Все вернется (1942)).

При ОГИО непредикативного типа носитель процессов памяти может быть выражен прямым и косвенным способом, в последнем случае он формально относится к глаголу, по сути распространяя весь оборот: *Пытаясь выяснить, где он видел такие же фигуры, Соловьев перебирал в памяти все станции и полустанки, через которые ему случилось проезжать, но ничего подобного не вспомнилось* (Е. Водолазкин. Соловьев и Ларионов (2009)); *Очень эта история вколотилась в мою память* (Ф. Светов. Мое открытие музея // «Знамя», 2001); *Какие-то газетные статьи мелькали у меня в памяти, которые я читала и даже правила, поскольку и у нас в газете что-то было, но я не вникала: не моя тема!* (Е. Белкина. От любви до ненависти (2002)).

В некоторых контекстах субъектное значение выражено двумя единицами (при именном и при глагольном компонентах вербономинанта), что порождает избыточность: *Я испытывал беспокойство, и память моя нашептала мне подходящее для покаяния место* (В. Астафьев. Обертон (1995–1996)); *Я покопался в своей памяти, но она мне ничего не подсказала* (Н. Трофимова. Третье желание // «Звезда», 2003).

Несомненную специфику вербономинантов с компонентом память составляет активная сочетаемость имени в их составе с разнообразными по значению атрибутивными распространителями, выражающими:

– виды памяти по преобладающему в процессах запоминания, сохранения и воспроизведения материала анализатору: *Рука на что-то наткнулась, и тактильная память сообщила: конверт* (Е. Прошкин. Механика вечности (2001)); *Я развязно стал рассказывать, и рассказывал долго, и в зрительной памяти проплывала страница толстейшего учебника* (М.А. Булгаков. Пропавший глаз (1926));

– виды памяти по времени сохранения материала: – *Ничего! Генетическая память подскажет, – скромно ответил он. Тут успевай только ее включать!* (В. Попов. Свободное плавание // «Звезда», 2003); *Папка выпустил материнскую руку с наступлением отрочества, перестав верить в чудищ и обретя безмятежный сон, но в подсознании сохранилась память о спасающем присутствии матери, и эта архаичная память выталкивала из Папки испуганный всхлип* (Ю. Нагибин. Другая жизнь (1990–1995));

– возрастную характеристику субъекта памяти: *Старческая память с изумительной отчетливостью хранила эти воспоминания* (М.Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы (1875–1880)); *Звездные годы ее взрослости и ответственности пришлись на блокаду и эвакуацию, на тяжелое детство; и как сама блокада ушла во мглу детской памяти, которую подсознание не собиралось рассеивать...* (Д. Рубина. Белая голубка Кордовы (2008–2009));

– гендерную характеристику субъекта памяти: *Женская память охватывает тот материк человеческих чувств на войне, который обычно ускользает от мужского внимания* (А. Коробова. Женское лицо войны // «Родина», 2010);

– профессиональную принадлежность субъекта памяти: *Только журналистская память способна выхватывать из прошлого конкретные детали* (Е. Велтистов. Ноктюрн пустоты (Телерепортаж Джона Бари, спецкора) (1978–1979)).

Вследствие того что большинство анализируемых вербономинантов имеет метафорический характер и употребляется в художественных текстах, для компонента память в их составе наиболее типичны атрибутивные распространители, выражающие эмоциональную оценку обозначаемого процесса: *Его острая память сохранила встречи, беседы, картины северной природы, случаи торжества и поражений человека в борьбе за жизнь* (Б.Н. Полевой. Несколько слов о Джеке Лондоне (1970–1981)); *Теперь, через четверть века, о героической борьбе демонстрантов помнят только те их близкие, которые еще живы, и, я подозреваю, даже эта хрупкая память исчезнет вместе с ними* (Н. Воронель. Без прикрас. Воспоминания (1975–2003)).

Во многих случаях атрибутивные распространители компонента память представляют собой эпитеты-олицетворения: *Мы и сами не очень-то догадывались, что произошло между двумя поэтами, но потом услужливая память подбросила один эпизод* (В. Аксенов. Таинственная страсть (2007)); *Бессознательное, холодное равнодушие моей матери точно отразило в себе чью-то последнюю неподвижность, и жадная память сестёр вбирала в себя всё так быстро потому, что где-то в отдалённом их предчувствии смерть уже существовала* (Г.А. Газданов. Вечер у Клэр / начало романа (1930)).

Таким образом, продуктивность моделей, по которым образуются вербономинанты с компонентом память в современном русском языке, и активная реализация вербономинантами своих валентностных способностей подтверждают их статус как особых средств номинации. Широкое использование такого рода сочетаний в текстах разных авторов, стилей, жанров, времени создания и т. д., основанием для которого является возможность выразить с их помощью разнообразные оттенки значения и эмоционально-экспрессивную оценку обозначаемого, ярко иллюстрирует характерную для русского языка тенденцию к аналитизму при вербализации сложных психических процессов, к которым относится человеческая память.

Литература

1. Куприева, И.А. Механизмы вербализации ментальных структур лексемами со значением «психические процессы» в англоязычном дискурсе : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / И.А. Куприева. – Белгород, 2014. – 42 с.
2. Телия, В.Н. Семантика связанных значений слов и их сочетаемости / В.Н. Телия // Аспекты семантических исследований. – М. : Наука, 1980. – С. 250–319.
3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 17.09.2016.
4. Лагузова, Е.Н. О термине *описательный глагольно-именной оборот* / Е.Н. Лагузова // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2014. – № 6. – С. 178–181.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 10.05.2016